

В. И. Кадеев

ХЕРСОНЕС, БОСПОР И РИМ В I в. до н. э.—III в. н. э.

ВО ВТОРОЙ половине I в. до н. э. хозяином положения в Северном Причерноморье становится Рим. Это привело сначала к вмешательству Рима во внутренние дела севернопричерноморских государств, а в дальнейшем к оккупации римскими войсками Таврики и Херсонеса, что несомненно отразилось на статусе и политике Херсонеса и Боспора, характере взаимоотношений этих государств.

Однако в советской исторической литературе до сих пор в значительной мере недооценивалась роль и влияние Рима, а нередко преувеличивалась самостоятельность Херсонеса. Не всегда правильно рассматривался статус Херсонеса в условиях римской оккупации. Встречаются и отдельные ошибочные положения в исследованиях, посвященных внешнеполитическим событиям, истории взаимоотношений Херсонеса с Римом и Боспором. Все сказанное оправдывает необходимость повторного рассмотрения этих вопросов.

Цель настоящей работы состоит в попытке показать отношения Херсонеса с Боспором и Римом, характер римской оккупации и статус Херсонеса в условиях этой оккупации, а также влияние Рима на внутреннюю и внешнюю политику Херсонеса.

После смерти Митридата VI Евпатора города, племена и народы бывшего Понтийского царства, в состав которого входили Боспор, Херсонес и некоторые другие города северного берега Понта, оказались в зависимости от Рима. Гней Помпей, руководивший военными действиями против армий Митридата и его союзника Тиграна, принял все меры, чтобы обеспечить римское господство не только на южном берегу Понта, но и укрепить позиции в Северном Причерноморье. Не располагая достаточными силами для присоединения этого района к римским владениям, он восстановил Боспорское царство с зависимым от Рима правителем. Этим правителем стал предавший Митридата его сын Фарнак¹. Он был объявлен «другом и союзником римлян» и получил Боспорское царство, кроме области фанагорийцев², которые первыми восстали против Митридата. Примеру Фанагории последовал Херсонес и также отделился от Митридата³.

Став царем Боспора, Фарнак провел ряд мероприятий по укреплению своей власти. Обуреваемый честолюбивыми планами по возрождению Понтийского царства Фарнак, по-видимому, не имел возможности вме-

¹ А р р., Mithr. 113.

² Там же.

³ Там же, 108.

шиваться в дела Херсонеса. Поэтому даже влияние монетного дела Боспора, наблюдавшееся при Митридате и позднее при Асандре ⁴, во времена Фарнака в Херсонесе незаметно. Можно отметить, что и осаду Фанагории, а также военные действия на территории Понта и Малой Армении Фарнак начал только в разгар гражданской войны в Риме ⁵, стараясь не упустить благоприятной политической ситуации для восстановления Понтийского царства в прежних границах. Следовательно, если зависимость Херсонеса от Боспора при Фарнаке была восстановлена, то она была номинальной.

Проримская ориентация Херсонеса созрела, видимо, после поражения Фарнака и во время междоусобной войны на Боспоре. Эти события показали могущество Рима и шаткость положения правителей Боспора. В этих условиях и отправилось посольство Херсонеса в Рим вскоре после гибели Фарнака. Возглавил посольство почетный гражданин города Гай Юлий Сатир, сын Феогена (IOSPE I², 691). Это событие достаточно подробно охарактеризовано М. И. Ростовцевым ⁶. Поэтому позволим себе остановиться только на основных моментах, следуя тексту декрета в честь Юлия Сатира.

Посольство отправилось в Рим во второй половине 46 г. до н. э. (как указано в декрете — во время третьего консулата и третьей диктатуры Цезаря) во главе с Г. Юлием Сатиром, который не был уроженцем Херсонеса, но гражданство там получил еще при отцах магистратов, организовавших посольство, вероятно, за какие-то услуги, оказанные городу. Судя по имени (наличие римских граепопей и лопен), Сатир, сын Феогена, оказывал услуги не только Херсонесу, но и Риму, а вероятнее всего, самому Юлию Цезарю в ходе гражданской войны, за что и получил римское гражданство. Следовательно, выбор в качестве посла Сатира, сына Феогена, был не случайным. Можно отметить, что херсонесцы удачно выбрали не только посла, но и момент для своего посольства, поскольку в это время Цезарь, стремясь укрепить свое положение на Востоке перед завершающимися сражениями с помпейцами, укрепившимися в Испании, оформлял через сенат свои мероприятия в отношении греческих городов и вассальных государств, а также принимал посольства с различными ходатайствами.

Нам не известно, чем мотивировали херсонесцы свою просьбу о даровании им элевтерии, но, вероятнее всего, они говорили о своем выступлении против Митридата и указывали на несправедливость к ним Помпея, предоставившего «свободу» только Фанагории ⁷.

Как справедливо отмечал М. И. Ростовцев, издание декрета в честь Г. Юлия Сатира является доказательством тому, что Херсонес не только добивался, но и добился «свободы» ⁸. О получении Херсонесом элевтерии от Цезаря свидетельствуют и нумизматические источники, в частности серия монет, которую можно рассматривать как специальный выпуск в ознаменование получения «свободы». Это монеты с изображением Девы и лани на лицевой стороне, бодающего быка — на обратной и надписью ΧΕΡΣ(ΟΝΗΣΟΥ) ΕΛΕΥ(ΘΕΡΑΣ) ⁹.

Позднее эту элевтерию Херсонес, очевидно, утратил. Однако нельзя согласиться с тем, что это произошло сразу после смерти Цезаря, т. е.

⁴ К. В. Голенко, Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э., ВДИ, 1964, № 4, стр. 52.

⁵ Dio Cass., Hist. Rom. XLII, 45.

⁶ М. Ростовцев, Цезарь и Херсонес, ИАК, 63, 1917, стр. 1 сл.; M. Rostovtzeff, Caesar and the South of Russia, JRS, VII, 1, 1917, стр. 27.

⁷ М. И. Ростовцев полагал, что Херсонес мог оказать Цезарю помощь в войне против Фарнака, что представляется нам маловероятным.

⁸ Ростовцев, ук. соч., стр. 17.

⁹ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16, 1951, табл. XXXVII, 1, 2.

в начале 44 г. до н. э.¹⁰ Против такого вывода свидетельствует тот факт, что все мероприятия Цезаря и в том числе по отношению к провинциям и вассальным царствам были утверждены римским сенатом через день после его убийства, 17 марта 44 г. до н. э.¹¹ Поэтому элевтерия Херсонесу не могла быть отменена в это время, а лишь во время пребывания Антония на Востоке, где он лишил некоторые греческие города дарованной им Римом элевтерии¹². Можно предположить, что именно тогда (не ранее 42 г. до н. э.) и Херсонес мог лишиться дарованной ему Цезарем элевтерии. Но прямых свидетельств источников по этому поводу нет, если не считать известного указания Страбона о том, что Херсонес находился со времени Митридата в подчинении у властителей Боспора¹³.

Важным эпиграфическим источником, проливающим свет на историю Херсонеса последующих десятилетий, может служить известный декрет в честь одного херсонесского гражданина (IOSPE I², 355), по поводу датировки которого существуют большие разногласия¹⁴. На наш взгляд, объективным критерием для датировки этой надписи являются ее палеографические особенности. Изучение букв Ε, Ο, Κ, Μ, Ο, Σ, Φ, Ω показало, что они имеют аналогии в херсонесских надписях I в. до н. э. (IOSPE I², 347, 691), а Α и Π сходны с соответствующими буквами в надписях конца II в. до н. э. (IOSPE I², 352, 349). Следовательно, по палеографическим данным надпись не может быть датирована позднее I в. до н. э. В пользу этой даты свидетельствует и упоминание в декрете τῶν μεγίστου Ἀυτοκράτορος καὶ τῶν συνκλι[ή]το[υ...] — величайшего императора и сената.

Этот титул указывает на принадлежность декрета ко времени Августа, поскольку Цезарь получил постоянный титул императора только в 44 г. до н. э. без всяких эпитетов и в качестве praenomen¹⁵. И только при Августе этот титул получил новое содержание — носителя верховной власти, а также первые эпитеты. О времени Августа говорит и тот факт, что его преемник Тиберий отказался принять этот титул (Suet., Tib. 26). Что касается более точной даты декрета, то она лежит, вероятно, в пределах 29—23 гг. до н. э.¹⁶

Таким образом, на наш взгляд, декрет в честь неизвестного гражданина является источником для истории Херсонеса 20-х годов I в. до н. э. В нем говорится об острой социально-политической борьбе, тяжелом экономическом положении беднейших слоев населения Херсонеса, их недовольстве. Этим воспользовался и произвел переворот «тиран». Источник не только ярко рисует обстановку в городе, но и позволяет лучше понять причины того, почему херсонесская верхушка так добивалась подтверждения «свободы», полученной от Цезаря. В создавшейся обста-

¹⁰ Ростовцев, ук. соч., стр. 18; Голенко, ук. соч., стр. 50.

¹¹ Арр., ВС, II, 135.

¹² Ростовцев, ук. соч., стр. 19; Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 72.

¹³ Страбо, VII, 4, 3.

¹⁴ См. IOSPE, I², стр. 313; М. Ростовцев, К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи, сб. статей в честь П. С. Уваровой, М., 1916, стр. 14—15; он же, Цезарь и Херсонес, стр. 18; В. Н. Дьяков, Оккупация Таврики Римом в I в. н. э., ВДИ, 1941, № 1, стр. 90, прим. 3; Голубцова, ук. соч., стр. 96; В. А. Анохин, Монетное дело Херсонеса I—III веков н. э., НЭ, IV, 1963, стр. 21; Б. Н. Граков, Ю. Г. Виноградов, Новые надписи из Херсонеса Таврического, ВДИ, 1970, № 3, стр. 129.

¹⁵ Н. А. Машкин, Принципат Августа, М.—Л., 1949, стр. 292.

¹⁶ В 29 г. до н. э. Октавиан получил пожизненный титул императора, означавший носителя верховной власти. До 23 г. до н. э. все внешнеполитические дела в Риме решались Августом при участии сената, поэтому упоминание в декрете «величайшего императора и сената» (стр. 29) позволяет считать 23 г. до н. э. в качестве terminus ante quem.

новке только вмешательство Рима позволяло правящим кругам сохранить «демократию» и безопасность Херсонеса, естественно, за счет потери суверенитета.

С учетом свидетельства рассмотренного выше декрета о получении Херсонесом элевтерии от Рима (сткк. 30—31) нам представляется справедливым мнение тех авторов, которые связывали введение новой эры в Херсонесе в 25 г. до н. э. с получением элевтерии¹⁷, а не с «царствованием» Девы¹⁸.

Событие, вызвавшее установление новой херсонесской эры, несомненно, имело для Херсонеса очень важное значение и вместе с тем не стояло в непосредственной связи с «царствованием» Девы. Мнение о том, что провозглашение Девы «царицей» привело к установлению новой эры, возникло из-за неверного понимания характера «царствования» Девы, которое якобы было результатом реформы государственного строя. На самом деле «царствующей» Деву провозглашали неоднократно в тех случаях, когда не находили кандидатов на должность царя-эпопима. Судя по херсонесским монетам, такая практика возникла еще в первой половине I в. до н. э.¹⁹ Следовательно, введение в Херсонесе новой эры в 25 г. до н. э. было вызвано другим событием. Нам представляется, что этим событием явилось подтверждение Августом элевтерии Херсонесу, данной ему при Цезаре. Аналогией может служить свидетельство Страбона в отношении Амиса (Strabo, XII, III, 14). Этот город получил элевтерию от Цезаря, а затем был лишен ее Антонием. После битвы при Акции город вновь получил элевтерию от Августа. Известны и другие факты предоставления элевтерии греческим городам после окончательной победы Августа в гражданской войне. Например, в 26 г. до н. э. элевтерию получил Хиос, в 25 г. до н. э. — Митилена, а в 19 г. до н. э. — Самос. Август также подтвердил элевтерию Илиона, дарованную этому городу Цезарем²⁰. Итак, прецедентов дарования и подтверждения элевтерии греческим городам в это время было немало, и это дает основания думать, что и Херсонес не был обойден вниманием Августа, особенно если учесть настойчивость и энергию, с которой херсонесцы добивались элевтерии.

Получение элевтерии при Цезаре было ознаменовано только кратковременным выпуском монет, поскольку она осталась не оформленной юридически, как и многие другие мероприятия «вечного» диктатора. Совсем по-другому было отмечено подтверждение элевтерии Херсонесу во времена Августа, когда повсюду греческие города отмечали это событие введением нового летосчисления. В таких условиях и херсонесские магистраты решили ввести новую эру. Но и эта элевтерия оказалась кратковременной, что, видимо, и позволило позднее Страбону указать, что Херсонес был подчинен Боспору (Strabo, VII, IV, 3).

Кратковременность элевтерии, подтвержденной Августом, объясняется тем, что римские власти, предоставляя подобные привилегии грече-

¹⁷ САН, X, 1934, стр. 268; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 97 сл.

¹⁸ А. Л. Бертъе-Делагард, Значение монограмм на монетах г. Херсонеса, ЗНОРАО, т. I, вып. 1, 1906, стр. 63; В. В. Латышев, ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 325; E. H. Minns, Scythians and Greeks, Camb., 1913, стр. 542; И. Толстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 108; А. В. Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья, ИРАИМК, II, 1922, стр. 120; П. О. Карышковский, Об эре Херсонеса Таврического, КС ОГУ и ОАМ, 1961, стр. 109; А. И. Тюменев, В. В. Латышев и история Херсонеса, СА, XXVIII, 1958, стр. 23; Анохин, ук. соч., стр. 13.

¹⁹ Подробно см. В. И. Кадеев, К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе, КСНА, 145, 1976, стр. 9 сл.

²⁰ D. Magie, Roman Rule in Asia Minor, Princeton, 1950, стр. 473.

ским городам, всегда преследовали прежде всего свои собственные интересы. Поэтому, видимо, с учетом сложившейся политической обстановки на Боспоре несколько лет спустя, они потребовали вступления Херсонеса в симмахию с Полемоном I, который Римом был объявлен боспорским царем²¹. Этот союз, заключенный в 14 г. до н. э. для оказания помощи Полемену I в борьбе со Скрибонием, в дальнейшем привел к зависимости Херсонеса от Боспора при преемниках Полемона, хотя формально элевтерия Херсонеса, видимо, не отменялась²².

Об оказании Херсонесом военной помощи Полемену свидетельствует надпись в честь херсонесского гражданина, стоявшего во главе отряда, посланного на помощь этому правителю Боспора (IOSPE I², 419). Вероятно, этот отряд участвовал в походах Полемона, что и позволило последнему закрепиться на Боспоре. Некоторые исследователи, следует отметить, допускают возможность того, что в указанных надписях (IOSPE I², 419, 704) речь могла идти и о Поломоне II²³. Однако против этого свидетельствуют как палеографические особенности надписей, так и их содержание. В обеих надписях упоминается βασιλεὺς Πολεμόν, и речь идет о царе, правившем на Боспоре. Таким правителем был только Полемон I, поскольку Полемон II, хотя и был провозглашен императором Калигулой царем Боспора, но на Боспоре не был²⁴, а следовательно, не мог получать помощь от Херсонеса.

Симмахия, установившаяся между Херсонесом и Боспором при Поломоне I, сохранялась и позднее, о чем свидетельствует херсонесская надпись, где говорится о встрече в Херсонесе боспорского посла Аминия (?), прибывшего в город по поручению царицы Динамии (IOSPE I², 354). Такое положение наблюдалось и при Аспурге, которому херсонесцы посвятили статую с соответствующей надписью, к сожалению, очень плохо сохранившейся (IOSPE I², 573). О том, что во времена Аспурга Херсонес был в союзе, но не входил в состав Боспорского царства, свидетельствуют две надписи, в которых упоминаются области, города и племена, находившиеся под властью Аспурга (КБН 39, 40). Херсонес в этих перечнях отсутствует.

Что касается элевтерий, подтвержденной Августом, то не следует заблуждаться насчет ее истинного значения, как это делают некоторые исследователи, полагающие, что Херсонес был независимым²⁵. На самом деле каждый новый император мог ее подтвердить или отменить, что и заставляло херсонесцев неоднократно добиваться у римских властей под-

²¹ Такое объяснение нам кажется более вероятным, нежели предположение К. Э. Гриневича о том, что Херсонес сам просил союза у Полемона (Херсонес и Рим, ВДИ, 1947, № 2, стр. 229).

²² Косвенно об этом может свидетельствовать надпись, которую исследователи считают фрагментом письма Полемона к херсонесцам (IOSPE I², 704). Это письмо начиналось формулой, которой обычно правители начинали послания городам, пользовавшимся автономией. См. К. М. Колобова, Политическое положение городов в Боспорском царстве, ВДИ, 1953, № 4, стр. 55; Э. И. Соломонович, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, стр. 43.

²³ См. Латышев, ПОНТИКА, стр. 102, прим. 2; IOSPE I², стр. 384; Соломонович, Новые эпиграфические памятники..., стр. 189 (таблица).

²⁴ По свидетельству Диона Кассия (LIX, 12, 2), Полемон, сын Полемона, в 39 г. получил от Калигулы в дар Боспорское царство, а в 41 г. император Клавдий признал царем Боспора Митридата II. Полемон взамен получил область в Киликии (Dion Cass., LX, 8, 2). Но судя по монетам, правление Митридата II началось еще в 39 г. (см. Зюграф, ук. соч., стр. 197). Следовательно, Полемон II, получив от Калигулы Боспор, не поехал туда из-за противодействия Митридата, и позднее Клавдий вынужден был отменить решение Калигулы, признав правителем Боспора Митридата II. См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 326; А. И. Болтунова, К надписи IOSPE, II, 400, ВДИ, 1954, № 1, стр. 172 сл.

²⁵ Е. Г. Суоров, Херсонес Таврический, Свердловск, 1961, стр. 57.

тверждения элевтерии. Последние же в зависимости от политической обстановки то подтверждали «свободу» города, особенно когда деятельность боспорских правителей внушала им опасения, то предпочитали видеть Херсонес в зависимости от Боспора, так как не имели достаточных сил для непосредственного вмешательства в дела Северного Причерноморья.

Изменения в положении Херсонеса произошли в связи с римско-боспорской войной при Митридате II и усилением нажима со стороны скифов. Эти события позволили Херсонесу в конечном итоге избавиться от боспорской зависимости и оказаться под непосредственным протекторатом Рима, приславшего свои войска для отражения скифов, осаждавших город.

Римско-боспорский конфликт связан с деятельностью боспорского царя Митридата II (39—45 гг.), который выступил против римского диктатора еще при Калигуле и не допустил прибытия на Боспор Полемона II, а позднее, будучи признанным Клавдием царем Боспора, попытался проводить самостоятельную политику. К этому времени Рим уже оправился после сокрушительных поражений от германцев, целой серии волнений и восстаний среди солдат и в провинциях, дворцовых переворотов. В этих условиях император Клавдий начал довольно активную внешнюю политику. Усмотрев в действиях Митридата II сепаратистские тенденции, особенно после доноса его брата Котиса, он направил на Боспор римские войска под командованием Авла Дидия Галла. В ходе военных действий армия Митридата была разбита, а сам он бежал на Азиатский Боспор. Позднее, узнав об уходе римских войск и используя возмущение местных племен (дандариев), он готовился к вторжению на территорию Европейского Боспора (Тас., *Ann.* XII, 15). Но предавший его Котис и командир римского отряда Г. Юлий Аквила с помощью конницы аорсов предупредили вторжение Митридата и его союзников сираков, первыми начав военные действия. Митридат снова потерпел поражение и после измены царя сираков Зорсина вынужден был искать убежища у вожда аорсов Дэвиона (Тас., *Ann.* XII, 16—18), который передал его римлянам при условии, что Митридагу будет сохранена жизнь. Позднее Митридат II был доставлен в Рим прокуратором Понта Юнием Цилоном (Тас., *Ann.* XII, 21)²⁶

Так закончилась римско-боспорская война, принявшая довольно затяжной характер и потребовавшая у Рима немало сил и средств как для переброски войск, так и для ведения боевых действий. Косвенно на это указывают: свидетельство Тацита о том, что Клавдий жаждал отомстить Митридату (*Ann.* XII, 20), факт освобождения на пять лет от податей Византия, истощенного войнами с Боспорским царством (Тас., *Ann.* XII, 63), а также предоставление командиру вспомогательных когорт Г. Юлию Авиле преторства, а прокуратору Юнию Цилону — консульства (Тас., *Ann.* XII, 21). Столь высокая награда последнему может указывать на участие в войне войск, расквартированных в Понте. Об этом свидетельствует и тот факт, что командир вспомогательных когорт Г. Юлий Аквила был родом из Амастрии и до назначения на Боспор занимался проведением дорог в Вифинии, а после войны снова возвратился туда в роли прокуратора²⁷. Следовательно, если справедливо мнение о том, что А. Дидий

²⁶ Вероятно, начало событий относится к 45 г., так как известны боспорские монеты, чеканенные Котисом в 342 г. боспорской эры. Следовательно, в этом году Митридат бежал, а Котис был провозглашен правителем Боспора. Окончание войны, закончившейся пленением Митридата, относится к 49 г. См. Тас., *Ann.* XII, 21.

²⁷ М. Ростовцев, Понт, Вифиния, Боспор, «Русский исторический журнал», 1917, кн. 1—2, стр. 125 сл.

Галл был легатом Мезии и привел оттуда с собой войска²⁸, но при существующих источниках доказать это нельзя²⁹, то и тогда не исключено участие в римско-боспорской войне вспомогательных войск, размещенных на территории Малой Азии.

Факты, свидетельствующие о том, что римляне в этой войне испытывали серьезные трудности, а также херсонесские монеты этого времени (с изображением Ники), позволяют поддержать мнение В. А. Анохина о том, что Херсонес принял участие в римско-боспорской войне на стороне Рима³⁰. Видимо, Херсонес использовал этот конфликт в своих интересах и, стремясь освободиться от боспорской зависимости, оказал помощь Риму, испытывавшему затруднения.

Таким образом, римско-боспорская война позволила Херсонесу освободиться от боспорской зависимости, но при сложившейся в то время политической обстановке остаться автономным он уже не мог, что и привело в конечном итоге к зависимости от Рима. Римско-боспорская война ослабила Боспор и позволила активизироваться скифам. Последние, воспользовавшись затруднениями Боспора, начали активные действия против своих соседей на западе и юго-западе, против Ольвии и Херсонеса³¹. В результате этих действий в 53—54 гг.³² Ольвия оказалась в их руках. Позднее осаде скифов подвергся Херсонес, на помощь которому двинулись римские войска из Мезии. Сбрав армию из подразделений, оставшихся в Мезии, так как перед этим были отправлены подкрепления Корбулону в Армению, римляне организовали поход в Северное Причерноморье (CIL XIV, 3608).

Возглавил поход легат Мезии Т. Плавтий Сильван. Это свидетельствует о том, что римские власти были серьезно обеспокоены скифской угрозой Херсонесу и поспешили на выручку осажденному городу. Вопрос о времени этого похода до сих пор остается дискуссионным. Одни исследователи относят его к 57 г., связывая эту дату с новой эрой, введенной в гор. Тире по случаю присоединения к провинции Мезия³³, а другие считают, что поход состоялся в начале 60-х годов³⁴. Нам представляется более вероятной последняя точка зрения. Основным источником, который знакомит нас с этими событиями, является эпитафия Т. Плавтия Сильвана Элиана, найденная у мавзолея, служившего семейной усыпальницей представителей этого рода, недалеко от Тибура (CIL

²⁸ Там же, стр. 125; W. Schur, *Orientpolitik Kaisers Nero*, Klio, XV, 1923, стр. 87; Ch. G. Starr, *The Roman Imperial Navy* 31 B. C., N. Y., 1941, стр. 131; О. В. Кудрявцев, *Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи* и статьи по общим проблемам древней истории, М., 1957, стр. 184, прим. 36.

²⁹ Это мнение основано на одном из возможных вариантов восстановления фрагмента надписи из Олимпии (Dess. I, 970), где А. Дидий Галл упомянут в качестве легата императора Клавдия. См. A. Stein, *Die Legaten von Moesien*, Budapest, 1940, стр. 25; S. E. Stout, *The Governors of Moesia*, Princeton, 1911, стр. 9.

³⁰ Анохин, ук. соч., стр. 20 сл.

³¹ Д. С. Раевский пытается доказать, что скифы действовали якобы с ведома и благословления правителей Боспора, которые стремились усилить свое влияние в Ольвии и пресечь попытки Херсонеса отложиться от Боспорского царства (К истории греко-скифских отношений (II в. до н. э.— II в. н. э.), ВДИ, 1973, № 2, стр. 115 сл.). Однако автор совершенно не учитывает результаты римско-боспорской войны, поскольку считает возможным говорить о Боспоре как о патроне Херсонеса. Следовало бы также учесть политические позиции царя Котиса, который был вассалом Рима.

³² П. И. Каршковский, *З історії греко-скіфських відносин у Північно-Західному Причорномор'ї*, АП УРСР, XI, 1962, стр. 119.

³³ Schur, ук. соч., стр. 88; Кудрявцев, ук. соч., стр. 173, прим. 19.

³⁴ Белов, ук. соч., стр. 103; Гайдукевич, ук. соч., стр. 330; Анохин, ук. соч., стр. 25. По мнению Д. М. Пишиди, поход состоялся в последние годы правления Т. Плавтия Сильвана в Мезии, где он пробыл до 66/67 г. (D. M. Pirpidi, *Contribuții la istoria veche a României*, București², 1967, стр. 325).

XIV, 3608). В этой надписи, своего рода послужном списке правителя Мезии сообщается, что с прибытием в эту провинцию, а по уточненным данным произошло это в 56/57 г.³⁵, Т. Плавтий Сильван переселил в Мезию свыше 100 тыс. человек из числа живших ранее за Дунаем. Этому переселению, по-видимому, предшествовал поход римских войск в этот район. Далее сообщается, что Т. Плавтий Сильван «подавил начинающееся движение сарматов», а затем провел ряд мероприятий и переговоров с возвращением заложников дакам, бастарнам, роксаланам, что способствовало стабилизации в провинции и на ее границах. И только после этого легат Мезии приступил к операции, в результате которой «царь скифов был отогнан от осажденного им Херсонеса, что за Борисфеном». Следовательно, перечисленные выше действия Т. Плавтия Сильвана предшествовали его походу против скифов, осадивших Херсонес, а если учесть характер этих мероприятий и крупные масштабы, то следует признать, что они потребовали нескольких лет, а значит поход легата Мезии в Таврику состоялся не в 57 г., а где-то в 60-х годах. Это подтверждает еще один факт из эпитафии Т. Плавтия Сильвана: там говорится, что поход против сарматов он осуществил после отправки большей части войска в экспедицию в Армению, а поход на помощь Херсонесу произошел еще позже. Согласно Тациту, V Македонский легион, прибывший в Армению, находился под командованием Л. Цезенния Пэта (Ann. XV, 6), а последний оказался там только в 62 г., так как в 61 г. был консулом (Ann. XIV, 29).

Различные точки зрения существуют и по поводу характера похода Т. Плавтия Сильвана, поскольку некоторые исследователи склонны видеть в нем своего рода военную демонстрацию, сопровождавшуюся дипломатическими переговорами³⁶. Однако причастие *summoto*, употребленное в эпитафии, происходит от глагола *submoveo*, *ere*, означающего «отгонять», «отбрасывать», «заставлять отступить», свидетельствует о вооруженном вмешательстве римской армии, заставившем скифов снять осаду города.

В. Н. Дьяков считал, что «поход несомненно носил характер комбинированной военно-морской экспедиции. Эскадра военных судов состояла из кораблей равеннского флота, командированных в распоряжение легата Мезии, так как своего военного флота Мезия еще не имела...»³⁷. Правильно оценивая характер похода, В. Н. Дьяков неверно указывал причину отправки к берегам Крыма кораблей равеннского флота, поскольку мезийский флот уже существовал³⁸. Видимо, причина отправки кораблей равеннского флота была иной. Возможно, корабли, построенные для действий на Дунае, не были пригодны для длительного морского перехода, а может быть, ввиду малочисленности гарнизонов, оставленных в Мезии, для их усиления пришлось оставить на Дунае мезийский флот.

В свое время Н. И. Репников указывал, что первая оккупация Римом побережья Крыма носила исключительно морской характер³⁹. Однако на участие сухопутных войск указывает тот факт, что скифы были «ото-

³⁵ P i r r i d i, ук. соч., стр. 300.

³⁶ Г р и н е в и ч, ук. соч., стр. 232.

³⁷ В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, Уч. зап. МГПИ, т. 28, вып. 1, 1942, стр. 49.

³⁸ Честер Старр, проследивая действия мезийского флота, считал, что именно этот флот участвовал в походе, так как ему не были известны находки в Крыму клейм равеннского флота (S t a r r, ук. соч., стр. 131 сл.).

³⁹ Н. И. Репников. О характере римской оккупации Южного берега Крыма, СА, VII, 1941, стр. 123. Еще раньше эту мысль высказывал М. И. Ростовцев (Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 18; цит. по отд. оттиску особ. паг.).

гнаны» от Херсонеса. О присутствии сухопутных римских войск свидетельствует находка Прибрежнинского клада римских монет, зарытого в северо-западной части пересыпи Сакского озера между 75—80 гг. н. э.⁴⁰

Поход Плавтия Сильвана был не только операцией по оказанию помощи Херсонесу, но сопровождался оккупацией римской армией городов по Северному берегу Черного моря и созданием новых опорных пунктов. В ходе похода была освобождена от скифов Ольвия⁴¹, снята осада скифов с Херсонеса, создан укрепленный пункт на южном берегу Крыма — Харакс⁴², введены римские войска на Боспор⁴³. После завершения похода для охраны наиболее важных стратегических пунктов были выделены гарнизоны, разместившиеся в Херсонесе, Хараксе и на Боспоре, а соответствующие гавани были заняты кораблями равненского флота. Сделано это было, вероятно, по распоряжению императора Нерона, готовившегося к походу на Восток⁴⁴ и с этой целью стремившегося обеспечить опорные пункты и базы снабжения для римской армии на северном побережье Понта⁴⁵. По-видимому, ослабление Боспора после затяжной войны второй половины 40-х годов и возросший натиск скифов, грозивший спутать широкие завоевательные планы, заставил римские власти вмешаться в дела этого района и пойти на оккупацию побережья. Что касается численности римских войск и флота, участвовавших в оккупации северного берега Понта и Кавказского побережья, то они, по сообщению Иосифа Флавия (*De Bell. Iud.* II, 16, 4), достигали 3 тыс. солдат и 40 кораблей.

Кроме этих данных о походе Т. Плавтия Сильвана, об оккупации Херсонеса и других пунктов Северного Причерноморья во второй половине I в. н. э. в литературе, посвященной истории этого времени, бытуют некоторые утверждения, не имеющие опоры в источниках. Например, Г. Д. Белов указывал, что «после окончания войны со скифами Пл. Сильван впервые из Херсонеса вывез в Рим большое количество хлеба и тем способствовал удешевлению его в Риме»⁴⁶. Между тем в эпитафии Т. Плавтия Сильвана, на которую ссылался автор, говорится: «...*primus ex ea provincia magno tritici modo annonam p(ropuli) R(omani) adlevavit* (*CIL* XIV, 3608 = *Dess.*, 986), т. е. что он первым (из правителей) из этой провинции (Мезии) много пшеницы отправил, чем облегчил положение с продовольствием римского народа⁴⁷. Еще большее недоумение вызывает утверждение Э. И. Соломоник о том, что «в надгробии Плавтия Сильвана I в. н. э. говорится о стоянке в Херсонесе части равненского флота»⁴⁸, со ссылкой на источник и статью К. Э. Гриневича. Однако в эпитафии

⁴⁰ А. М. Гилевич, Прибрежнинский клад римских монет, *НЭ*, V, 1965, стр. 103.

⁴¹ На освобождении Ольвии от скифов указывает перерыв в чеканке монет с именем Фарзоя между 58—68 гг. См. Каршиковский, ук. соч., стр. 119, 121.

⁴² В. Д. Блаватский, Харакс, *МИА*, 19, 1951, стр. 288 сл.

⁴³ Гайдукевич, ук. соч., стр. 330.

⁴⁴ О подготовке Нероном похода к Каспийским воротам сообщают Тацит (*Т а с.*, *Hist.* I, 6) и Светоний (*S u e t.*, *Nero* 19).

⁴⁵ Об использовании Черного моря для подвоза продовольствия римской армии, находившейся в Малой Азии в конце 50-х годов, сообщал Тацит (*Т а с.*, *Ann.* XIII, 39).

⁴⁶ Белов, ук. соч., стр. 103, прим. 2. Сходное толкование текста эпитафии давал и М. М. Словимский, который указывал на отправку большого количества хлеба в Рим из Северного Причерноморья (Начало римской оккупации Северного Причерноморья. Сборник научн. трудов Пятигорского гос. пед. ин-та, вып. IV, 1949, стр. 207).

⁴⁷ Мы обращаем на это внимание в связи с тем, что Г. Д. Белов на этом основании приходит к неверному выводу о подъеме зернового хозяйства в Херсонесе, хотя город испытывал трудности с зерном.

⁴⁸ Соломоник, Новые эпиграфические памятники..., стр. 138.

таких данных нет, а К. Э. Гриневиц высказывался по этому поводу предположительно, без ссылок на этот источник ⁴⁹.

Получили распространение и выводы В. Н. Дьякова о широких масштабах римской оккупации побережья Крыма и о создании здесь Таврического лимеса ⁵⁰. Однако, на наш взгляд, автор преувеличивал размеры римской оккупации и некритически перенес данные о рейнском и дунайском пограничных рубежах на крымскую почву, игнорируя при этом местные археологические источники.

Оккупация Херсонеса позволила римским властям более активно вмешиваться во внутренние дела города, хотя Херсонес, по свидетельству Плиния (NH, IV, 85), сохранял статус «свободного» города. Особенно наглядно это вмешательство видно на примере монетного дела, находившегося под римским контролем. Квазиавтономные типы монет и редкие серии золотых статеров ⁵¹ не должны вводить нас в заблуждение на этот счет ⁵². По наблюдениям В. А. Анохина, золотая и медная чеканка Херсонеса полностью зависела от воли римских императоров. Поэтому смены императоров влекли за собой изменения в городской чеканке ⁵³. При Нероне и Веспасиане, для политики которых характерно стремление ограничить права местных властей ⁵⁴, в Херсонесе вообще прекращается чеканка монеты, исключение составляла только одна группа тетрассариев с головой Девы на аверсе и бородатого мужчины на реверсе, на которых появилась легенда СΗΒΑΣΤΗΣ ΕΙΡΗΝΗΣ ⁵⁵, т. е. Pax Augusta, свидетельствующая об усилении римского влияния. На возросшую зависимость Херсонеса от Рима в это время указывает установление в городе статуи наместнику Мезии — Сексту Веттулену Керялису (IOSPE I², 421). Это могло быть связано с подготовкой к включению Херсонеса в состав провинции Мезия, так как ко времени правления Веспасиана относятся и другие факты, указывающие на то, что римские власти вели подготовку этого мероприятия. В частности, об этом свидетельствуют имена херсонесцев, в составе которых были граеомов и помет императоров династии Флавиев. Такие имена обычно получали римские граждане из числа peregrini во время правления этой династии ⁵⁶. В Херсонесе эти имена носили представители правящей верхушки местного общества ⁵⁷.

⁴⁹ Гриневиц, ук. соч., стр. 232.

⁵⁰ См. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации.

⁵¹ Чеканка золотых монет, по мнению некоторых исследователей, указывает на независимость Херсонеса. См. А. Л. Бертъе-Делагард, Надпись времени императора Везона в связи с отрывками из истории Херсонеса, 300ИД, XVI, 1893, стр. 66 сл.

⁵² Квазиавтономные монеты, т. е. монеты без изображений императоров и соответствующих легенд, чеканились и в греческих городах, входивших в состав римских провинций, например, в Афинах, Коринфе, на Хиосе. Правом же чеканки обладало огромное число городов. Например, при Тиберии только в азиатских провинциях чеканили свою монету 94 города (Magie, ук. соч., стр. 472).

⁵³ Анохин, ук. соч., стр. 17 сл.

⁵⁴ При Нероне это было вызвано не только стремлением увеличить доходы, но и, вероятно, тем, что Херсонес получил право золотой чеканки от Клавдия, а большинство постановлений последнего Нерон отменил. См. Suet., Nero 33. При Веспасиане были лишены дарованной им «свободы» Византий, Родос, Самос, Ахайя и Ликия (Suet., Vesp. 8). Естественно, в такой обстановке и Херсонес не мог рассчитывать на восстановление прежней привилегии, так как делалось это для поправки финансовых дел Рима.

⁵⁵ А. В. Орешников, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 25 сл.; Зограф, ук. соч., стр. 157; Анохин, ук. соч., стр. 26.

⁵⁶ См. В. Бешевлиев, Проучване върху личните имена у траките, София, 1965, стр. 24 сл.; W. Ramsay, The Social Basis of Roman Power in Asia Minor, Aberdeen, 1941, стр. 6 сл.

⁵⁷ В. И. Кадеев, Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е., УІЖ, 1971, № 9, стр. 30 сл.

Наделение правами римского гражданства представителей местной аристократии за пределами провинций производилось в тех случаях, когда римские власти вели подготовку включения той или иной области в состав провинции⁵⁸. Вероятно, с римским влиянием следует связывать возвышение в Херсонесе коллегии архонтов, во главе которой был первый архонт, сосредоточивший в своих руках исполнительную власть⁵⁹. Аналогичное явление как результат римской политики отмечалось в греческих городах Фракии⁶⁰.

Но трудности, с которыми пришлось столкнуться римским властям при осуществлении своего плана, видимо, заставили их отказаться от него уже при императоре Тите, о чем свидетельствует возобновление выпуска золотой монеты в Херсонесе в 79/80 г. и позднее в 84/85 г.⁶¹ при Домициане. При последнем Рим с переменным успехом вел очень тяжелую войну в Дакии, что потребовало огромного напряжения сил и средств, а также концентрации значительной армии в придунайских провинциях⁶². Понятно, что в такой политической обстановке римское влияние в Северном Причерноморье уменьшилось. Ослабела зависимость от Рима Боспорского царства, что проявилось в чеканке золотой монеты с портретом, полным именем и титулом царя Рескупорида II⁶³, тогда как при Веспасиане боспорская монета чеканилась с портретами римских императоров⁶⁴. По-видимому, в противовес Боспору был поставлен Херсонес, которому была разрешена золотая чеканка в 84/85 г., о чем уже говорилось.

Некоторые исследователи полагают, что в это время Домициан распорядился вывести римскую армию из Таврики⁶⁵, а следовательно, был выведен гарнизон из Херсонеса⁶⁶. Против такого предположения свидетельствует обнаруженная в городе база статуи с соответствующей надписью в честь наместника Нижней Мезии — Секста Октавия Фронтона⁶⁷. Наличие в Херсонесе статуи наместника Нижней Мезии указывает на зависимость города от последнего и косвенно свидетельствует о присутствии римского гарнизона. Трудно представить, что лишенные военной помощи в условиях угрозы со стороны скифов херсонесцы поставили статую С. Октавию Фронтоны. Против мнения о выводе римского гарнизона при Домициане свидетельствуют нумизматические данные. Среди римских монет, найденных в Херсонесе⁶⁸ и Хараксе⁶⁹, перерыва для этого времени не наблюдается.

Изменение в положении Херсонеса произошло позднее, когда город вновь оказался в зависимости от Боспора. Об этом говорил опущенник императора Адриана Флегонт из Тралл в XV книге Олимпиад. Он указывает, что римский император подчинил Херсонес боспорскому царю Котису (речь идет о Котисе II — 123—132 гг.)⁷⁰. Это свидетельство подт-

⁵⁸ Ramsay, ук. соч., стр. 6.

⁵⁹ Гадаев, ук. соч., стр. 26 сл.

⁶⁰ Бешевлиев, ук. соч., стр. 43 сл.

⁶¹ Анохин, ук. соч., табл. III, 11, 12.

⁶² R. Syme, Rhine and Danube Legions under Domitian, JRS, XVIII, 1928, стр. 45 сл.

⁶³ Зограф, ук. соч., стр. 201, табл. XLVII, 1, 2.

⁶⁴ Там же, стр. 200.

⁶⁵ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 12, 18; Гриневич, ук. соч., стр. 233.

⁶⁶ Белов, ук. соч., стр. 106.

⁶⁷ IOSPE I², 422. С. Октавий Фронтон был легатом Нижней Мезии с 90 до 93 г. (J. Fitz, Die Laufbahn der Stathalter in der römischen Provinz Moesia Inferior, Weimar, 1966, стр. 44). Видимо, именно в эти годы и была поставлена ему статуя.

⁶⁸ А. М. Гилевич, Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса, НСФ, III, 1968, стр. 55.

⁶⁹ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 15.

⁷⁰ Phl. Trall., XV, fr. 22=SC, I, стр. 512.

верждается данными нумизматики, поскольку в Херсонесе отсутствуют местные монеты, чеканенные между 107 и 132 г. н. э.⁷¹ Но после смерти Котиса II римские власти изменили свою политику по отношению к Боспору. Боспорский протекторат над Херсонесом подтвержден не был, и, наоборот, Херсонесу разрешили выпуск золотой монеты⁷². Обычно это делалось в тех случаях, когда Херсонес противопоставлялся Боспору. Возможно, что так было и на этот раз, поскольку позднее, уже при Антонине Пие, боспорский царь Реметалк (132—154 гг.) вызывался в Рим для разбирательства какого-то спора (Jul. Capit., Ant. Pius, 9), возникшего у последнего с римской провинциальной администрацией, вероятно, еще при Адриане.

Окончательное освобождение Херсонеса от боспорского протектората и превращение его в город со статусом «свободного» произошло во время правления Антонина Пия (138—161 гг.) после многочисленных ходатайств как самих херсонесцев, так и их метрополии — Гераклеи Понтийской. О событиях в Херсонесе, предшествующих этому, свидетельствуют эпиграфические документы. В одном из них — надписи с перечислением деяний Аристона, сына Аттины (IOSPE I², 423), указывается, что он дважды был послом к боспорскому царю Реметалку и посольства эти были успешными; одно из этих посольств вело переговоры о союзе (περὶ συμμαχίας) с Боспором. Из этих скудных данных можно сделать вывод о том, что в это время Херсонесу угрожали местные племена, так как, освободившись от боспорской зависимости, херсонесцы вынуждены были вести переговоры с Реметалком о военном союзе. Этот вывод подтверждается свидетельствами почетного декрета в честь неизвестного херсонесского гражданина, найденного нами в 1968 г.⁷³ Из текста декрета явствует, что город подвергался нападениям варваров, тогда как в самом городе были беспорядки и финансовые затруднения. Но, видимо, не столько угроза со стороны варваров, сколько социальные конфликты и боязнь волнений среди наемников, сидевших без жалования, заставила отцов города отправлять посольства к боспорскому царю для заключения союза. Здесь мы видим пример классовой солидарности, стремление идти на союз с давним противником в условиях социальных потрясений. Вероятно, этим же объясняется и настойчивость упомянутого выше Аристона, сына Аттины, одного из представителей господствующего класса, который после успешных посольств на Боспор в течение шести лет находился в Риме, ходатайствуя о предоставлении «свободы» Херсонесу до «изнеможения», т. е., по видимому, до самой своей смерти. Несомненно, и сам Аристон, и магистраты Херсонеса, пославшие его, прекрасно знали, что такое «свобода», предоставляемая Римом. Следовательно, они сознательно шли на потерю суверенитета для сохранения своих классовых интересов. Римская «свобода» обычно сопровождалась предоставлением некоторых привилегий богатой верхушке греческих городов, которая тем самым превращалась в социальную опору римских властей, при одновременной утрате суверенитета и усилении эксплуатации основной массы населения этих городов, включая и полноправных граждан⁷⁴. Именно такое положение создалось

⁷¹ Анохин, ук. соч., стр. 31.

⁷² Это последний выпуск золотой монеты в Херсонесе, представленный статерами 158 г. херсонесской эры (134 г. н. э.) с изображением на аверсе бюста Херсонаса влево и на реверсе — Девы в полный рост с монограммой $\Delta\Phi$. См. Анохин, ук. соч., табл. VI, 3.

⁷³ Граков, Виноградов, ук. соч., стр. 127—129.

⁷⁴ М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 355.

и в Херсонесе. Так было в I в. до н. э., о чем уже упоминалось выше в связи с декретом в честь неизвестного херсонесского гражданина (IOSPE I², 355), где говорится о волнениях херсонесской бедноты, финансовых затруднениях и попытках государственного переворота, что заставило добиваться у Рима элевтерий. Такая же обстановка сложилась в 30-х годах II в. н. э.⁷⁵

Поскольку ходатайства самих херсонесцев успехом не увенчались, они обратились за помощью к своей метрополии — Гераклее, с которой находились в тесных политических и экономических отношениях. Об этом свидетельствует целый ряд почетных декретов в честь граждан Гераклеи с представлением им в Херсонесе проксении и исополитии. Только к первой трети II в. н. э. относятся декреты в честь гераклеотов Фрасимеда, сына Фрасимеда (IOSPE I², 357), Диа..., сына Деметрия, (IOSPE I², 359), Папия, сына Гераклеона⁷⁶. Два последних датируются 129 и 130 гг., т. е. дарованы за несколько лет до обращения Херсонеса к Гераклее. Судя по этим документам, указанные гераклеоты неоднократно бывали в Херсонесе, где приносили соответствующие жертвоприношения и оказывали знаки внимания местным божествам и властям. В свою очередь херсонесцы не только даровали проксении и гражданские права, как и гражданам других городов, но старались подчеркнуть, что это делается «ради матери нашей... Гераклеи». При таких добрых отношениях между метрополией и Херсонесом магистраты Гераклеи сочувственно отнеслись к просьбе Херсонеса и отправили в Рим свое посольство к императору Антонину Пию (IOSPE I², 362). В результате этого ходатайства гераклеотов Херсонесу была оказана помощь (в декрете об этом сказано «оказали попечение о нашем спасении»), в которой он нуждается, и дарована элевтерия. Подтверждением этому служат херсонесские монеты, на которых с этого времени появляется сокращенная или полная надпись ΧΕΡΣΟΝΗΣΟΥ ΕΛΕΥ-ΘΕΡΑΣ. Первая серия таких монет датируется около 145 г.⁷⁷

Вероятно, одновременно с предоставлением «свободы» в Херсонес были введены подразделения римской армии и корабли военного флота⁷⁸, которые предназначались для защиты города от нападения местных племен и охраны римских коммуникаций на территории Таврики. Видимо, в этом и заключалась помощь (спасение), о которой упоминается в декрете в честь гераклеотов (IOSPE I², 362).

⁷⁵ Б. Н. Граков и Ю. Г. Виноградов, сравнивая декрет с двумя надписями 80-х годов II в. н. э., сочли возможным датировать его последней четвертью II в. н. э. (ук. соч., стр. 128). Однако в надписи IOSPE I², 404, за исключением буквы *ksi*, по словам самих издателей, «остальные буквы... отличаются от нашей». Что касается *ksi*, то и эта буква не «абсолютно аналогична рисунку этой литеры» в декрете 1968 г., в чем можно убедиться при сравнении оригиналов надписей. Ознакомление с другой «ближайшей аналогией» также не позволяет согласиться с выводом издателей. Удлиненная форма букв, их начертание, апексы, наличие точек-разделителей в этой надписи, как справедливо указывала Э. И. Соломоник, находят ей аналогию в надписи IOSPE I², 404 (ук. соч., стр. 72). Декрет 1968 г. по форме букв, их пропорциям, наличию лигатур имеет ближайшей аналогии среди надписей первой половины II в. н. э. (НЭПХ 6, 116, 127). В пользу такой датировки свидетельствуют доризмы, встречающиеся во многих надписях первой половины II в. н. э. (IOSPE I², 358—364, 423, 431; НЭПХ 6, 111, 113, 116, 127) и отсутствующие в надписях последней четверти II в. н. э. (IOSPE I², 404; НЭПХ 14, 26). Упоминание о наемниках указывает на отсутствие в городе римского гарнизона, появившегося там не ранее 40-х годов II в. н. э. Все это позволяет датировать декрет 30-ми годами II в. н. э., когда Херсонес, освободившись от боспорской зависимости, добился у Рима элевтерий.

⁷⁶ Е. Г. Су ров, Новая херсонесская надпись, ВДИ, 1960, № 3, стр. 154 сл.

⁷⁷ А н о х и н, ук. соч., стр. 34.

⁷⁸ На одновременность этих событий может указывать тот факт, что в районе Харакса появился пост бенефициария Умидия Квадрата — легата Нижней Мезии 149—151/152 гг. (IOSPE I², 674).

Судя по данным источников, обнаруженных в Херсонесе, Хараксе, на Гераклеийском полуострове, у с. Заветное и в других пунктах Крыма, римские подразделения принадлежали к Мезийской армии, т. е. легионам и вспомогательным войскам, расквартированным на территории Нижней Мезии. Эта пограничная провинция была одним из важнейших звеньев в системе римской обороны на Нижнем Дунае, которая в это время осуществлялась силами трех легионов и вспомогательных войск, состоявших из восьми ал конницы и 18 когорт пехоты⁷⁹. В условиях постоянной угрозы со стороны местного населения и участвовавших вторжений сарматов римское командование стало практиковать формирование отрядов, набранных из различных воинских частей, для оказания помощи в случае возникновения опасности или при необходимости выделить солдат для оккупации областей за пределами провинции. Эти отряды (*vexillatio*) и составили римские гарнизоны в Херсонесе и других пунктах Таврического полуострова.

Во II—III в. н. э. в составе римского гарнизона в Херсонесе были *вексилляции*, состоявшие из солдат I Италийского (*IOSPE I², 547, 548*), XI Клавдиева легионов⁸⁰, а также I Киликийской (*IOSPE I², 554*)⁸¹, I Бракараугустанской (*IOSPE I², 553*) и II Луцензиевой (*IOSPE I², 555*) когорт вспомогательных войск. Что касается пребывания солдат V Македонского легиона, то вопрос пока остается открытым, поскольку надгробие, поставленное солдатом этого легиона своему брату (*IOSPE I², 549*), не решает его, а другими свидетельствами мы не располагаем.

Размещался римский гарнизон, по-видимому, в юго-восточной части города, представлявшей собой цитадель площадью 0,9 га. Этот район города находился в наиболее опасном с военной точки зрения месте и был хорошо укреплен с напольной стороны мощными стенами и круглыми фланговыми башнями. Кроме того, он был огражден стеной и от остальной части города. В цитадели было обнаружено вытянутое прямоугольное здание, примыкавшее к оборонительной стене, характер помещений которого позволил предположить, что это казарма римских солдат⁸². Такой вывод подтверждается находками римского алтаря, посвященного Юпитеру Лучшему Величайшему, и черепицы с клеймом XI Клавдиева легио-

⁷⁹ В Нижней Мезии во II в. н. э. находились I Италийский, V Македонский и XI Клавдиев легионы. Вспомогательные войска представлены алами (I Asturum, I Gallorum Flaviania, I Claudia Gallorum Capitoniana, I Flavia Gaetalarum, I Hispanorum, I Pannoniorum, I Vespasiana Dardanorum, II Hispanorum et Aravacorum) и когортами (I Bracaraugustanorum, I Cilicum m., I Claudia Sugamborum Veterana, I Flavia Commagenorum, I Hispanorum veter. equit., I Lepidiana C. R., I Lusitanorum Cyrenaica I Tyriorum, I Ubiorum, II Chalcidenorum, II Flavia Bessorum, II Flavia Brittonum equitata, II Gallorum, II Lucensium, II Mattiacorum, III Gallorum, IV Gallorum, VII Gallorum). См. В. F i l o w, Die Legionen der Provinz Moesia von Augustus bis auf Diokletian, Klio, VI, 1906, стр. 89; о н ж е, Помощные войска на римската провинция Мизия. Известия на историческото дружество в София, кн. II, 1906, стр. 45 сл. В. Г е р а с и м о в а, Разместване на римските помощни войска през II в. в Мизия и Дакия, «Археология», 1969, кн. 4, стр. 9.

⁸⁰ О пребывании в Херсонесе XI Клавдиева легиона известно из надписей (*IOSPE I², 550—552 (?)*, 748; НЭПХ 59) и благодаря клеймам на черепице. См. К. Э. Г р и н е в и ч, Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг., «Крым», № 1, 1929, стр. 23; В. В. Б о р и с о в а, Черепица с клеймами римских легионов, СХМ, II, 1961, стр. 39 сл.

⁸¹ Это единственная из мезийских когорт — когорты милиария, состоявшая из 720 пехотинцев и 280 всадников. Сформирована она в середине I в. н. э. См. Д. Т у д о р, Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской народной республики, Кишинев, 1960, стр. 241 сл.

⁸² В. Ф. Г а й д у к е в и ч, История античных городов Северного Причерноморья, «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 93, прим. 1; о н ж е. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия, МИА, 34, 1953, стр. 306.

на⁸³. О размещении в цитадели римских солдат и матросов говорят и другие факты. В кладке оборонительной стены (19 куртина) была обнаружена плита надгробия II в. н. э. римского военного моряка Элия Максима⁸⁴. В юго-западном углу цитадели в стене средневековой постройки найден фрагмент римского надгробия конца II—III в., принадлежавшего, вероятно, ветерану⁸⁵. У оборонительной стены были обнаружены еще два небольших фрагмента латинских надписей, в одной из них упомянут бенефициарий⁸⁶. На территории цитадели были найдены 11 черепиц с клеймами римских воинских подразделений только во время раскопок 1958—1959 гг. Аналогичные клейма встречались здесь и ранее⁸⁷. Наконец, еще одним свидетельством пребывания римских солдат в цитадели могут быть термы, открытые на ее территории⁸⁸. Здесь найдены гончарные трубы и плоские квадратные кирпичи, известные в римских постройках, а также черепица с клеймами XI Клавдиева легиона.

Судя по размерам цитадели, римский гарнизон численно не превышал когорты *quingenaria*, т. е. 500 человек.

Другим местом пребывания римских солдат в Херсонесе был район у западной оборонительной стены, где также обнаружены черепицы с клеймами XI Клавдиева легиона⁸⁹. Однако выяснить, размещалась ли здесь часть гарнизона или находился пристенный пост, пока не представляется возможным.

Одновременно с сухопутными войсками в гавани Херсонеса появилась эскадра Флавиева Мезийского флота, так как переброска войск и военные операции осуществлялись римским командованием с помощью флота. Судя по посвячительной надписи 185 г. н. э., поставленной триерархом Флавиева Мезийского флота Т. Аврелием Секундом (*IOSPE I², 417*), в Херсонесе находилась эскадра этого флота, поскольку триерархи были не только командирами кораблей, но и командовали небольшими эскадрами⁹⁰. О пребывании в Херсонесе римского флота во II в. н. э. свидетельствует упоминавшееся выше надгробие военного моряка Элия Максима⁹¹. К этому же времени относится еще одно надгробие, принадлежавшее моряку Мезийского флота (*IOSPE I², 556*). Первой половиной III в. н. э. датируется алтарь, поставленный моряком Флавиева Мезийского флота

⁸³ Гриневич, Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг., стр. 23; Соломонович, Новые эпиграфические памятники..., стр. 132, № 60.

⁸⁴ Там же, стр. 137, № 62; Э. И. Соломонович, О римском флоте в Херсонесе, ВДИ, 1966, № 2, стр. 166.

⁸⁵ Соломонович, Новые эпиграфические памятники..., стр. 139, № 63.

⁸⁶ Там же, стр. 147, № 86, 69.

⁸⁷ Борисова, Черепица с клеймами римских легионов, стр. 39—45. Здесь были обнаружены клейма: *LEXICL, VEMI, VEX*... Если дешифровка первого и последнего клейм не вызывает затруднений, то клеймо *VEMI* пока удовлетворительному объяснению не поддается. Попытка С. А. Беляева (к пониманию *CIL, VIII, 619, ВДИ, 1968, № 4, стр. 134, прим. 36*) прочесть *VEMI* как *VE(xillatio) M(oesiae) I(inferioris)* нам представляется неубедительной. Просмотр латинских надписей с упоминанием *vexillatio* показал, что это слово всегда сокращалось как *VEX(illatio)*, а не *VE(xillatio)*. См. Н. Дессау, *Inscriptiones Latinae selectae, Berolini, 1916, indices, s. v. vexillatio*.

⁸⁸ К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса Таврического, ч. II, ХСб., II, 1927, стр. 43; И. А. Антонова, Л. А. Аркадова, Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе, АО 1970 года, М., 1971, стр. 270.

⁸⁹ К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса Таврического, ч. III, ХСб., V, 1959, стр. 95.

⁹⁰ Стагг, ук. соч., стр. 43.

⁹¹ Э. И. Соломонович датирует памятник II—III вв. (О римском флоте в Херсонесе, стр. 166). Но тщательное архитектурное оформление плиты и полное *nomen gentile* позволяют, на наш взгляд, датировать это надгробие не позднее II в. н. э.

с либурины «Стрела» Юпитеру Лучшему Величайшему⁹². Следовательно, II—III вв. н. э. датируются эпитафические памятники, свидетельствующие о пребывании в это время в Херсонесе римского флота, а возможно, и солдат морской пехоты, на что указывает употребление в надписях терминов — *miles classis*. Что касается утверждения Э. И. Соломоник о пребывании римского флота в IV в., то этот вывод основан на датировке этим временем алтаря Юпитеру, который следует датировать более ранним временем. Никаких других данных, свидетельствующих о пребывании римского флота в Херсонесе в IV в., нет.

Все вышесказанное о гарнизоне и эскадре римского флота свидетельствует в пользу распространения в исторической литературе мнения о том, что Херсонес во II—III вв. н. э. был центром римской военной оккупации в Таврике⁹³. Об этом же свидетельствуют и латинские надписи с упоминанием военных и гражданских лиц⁹⁴, принадлежавших к членам семей солдат гарнизона, гораздо более многочисленные, чем в других городах Северного Причерноморья. На это указывают и надписи бенефициариев⁹⁵, с упоминанием офицеров армии и флота (IOSPE I², 404, 417), а также итнерарий первой трети III в. н. э. на щите римского солдата, обнаруженный в Дура-Европос⁹⁶, на котором Херсонес указан в качестве промежуточного пункта между Тирой и Трапезунтом — важнейшим для римлян стратегическом пути между западным и южным побережьем Понта.

Во главе херсонесского гарнизона стоял военный трибун (*tribunus militum*). Под его командованием были не только отряды, выделенные легионами и когортами вспомогательных войск, но и эскадра флота⁹⁷. Командиру гарнизона были подчинены подразделения и посты бенефициариев, охранявшие побережье и сухопутные дороги Южного и Юго-Западного Крыма. Об этом свидетельствует тот факт, что в Херсонесе и в других опорных пунктах римлян в этом районе Крыма находились подразделения одних и тех же легионов. Например, в Хараксе, как и в Херсонесе, находились солдаты I Итальянского и XI Клавдиева легионов⁹⁸. Солдаты XI Клавдиева легиона составляли гарнизон римского лагеря у современного с. Заветное, бывшего форпостом на дальних подступах к Херсонесу со стороны степи и державшего под контролем важную дорогу⁹⁹. Это подтверждают и данные о бенефициарии Т. Флавии Цельсине из XI Клавдие-

⁹² Э. И. Соломоник датирует алтарь началом IV в. н. э. и на этом основании делает вывод о пребывании римского флота в это время. Одновременно она рассматривает алтарь в качестве свидетельства существования языческих верований в это время. На наш взгляд, датировка Э. И. Соломоник ошибочна. Против этой даты говорят полное имя деликанта и название флота Флавиев Мезийский. Этот флот при императоре Гордиане (238—244 гг.) получил почетное название Гордианов. См. S t a r g, ук. соч., стр. 137.

⁹³ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 7; Гайдукевич, История античных городов..., стр. 93; Т. Д. Златковская, Мезия в I—II веках н. э. М., 1951, стр. 123; Тудор, Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде, стр. 246.

⁹⁴ IOSPE I², 404, 557—561, 563, 565—569 и др.; Соломоник, Новые эпитафические памятники..., № 60, 61, 63—68 и др.

⁹⁵ IOSPE I², 674—676; Соломоник, Новые эпитафические памятники..., № 59, 69, 70 (?).

⁹⁶ F. S u m o n t, Fragment de bouclier, portant une liste d'étapes, «Syrie», VI, 1925, стр. 1 сл.

⁹⁷ Данные о трибунах, командовавших херсонесским гарнизоном, относятся к последней четверти II в. н. э. Это Флавий Сергиан Сосибий (IOSPE I², 417), Атилий Приммиан и Аррий Алкивиад (IOSPE I², 404), Т. Плавтий Феликс Феррунтийан (CIL VIII, 619=2747).

⁹⁸ Блаватский, ук. соч., стр. 254.

⁹⁹ Т. М. Висотська, Про виробництво скла в пізньюантичному Криму, «Археологія», XVI, 1964, стр. 20; она же, Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, Киев, 1972, стр. 54 сл.

ва легиона, служившего в Херсонесе и Хараксе¹⁰⁰. Из состава херсонесской векиллиции выделялись солдаты для охраны и более близких подступов к городу на северной стороне¹⁰¹ и на Маячном полуострове¹⁰². Вместе с тем, следует отметить, что некоторые довольно распространенные в литературе гипотезы о римской оккупации Таврики не подтвердились. Это касается утверждения о существовании римских военных лагерей на западном побережье Крыма¹⁰³, которых там не было¹⁰⁴. Не подтвердилась и широко распространенная гипотеза о целой цепи римских укреплений вдоль Южного берега Крыма¹⁰⁵, а следовательно, и вывод В. Н. Дьякова о существовании римского лимеса на территории Таврики.

Присутствие в Херсонесе римского гарнизона и эскадры флота позволило устранить опасность со стороны соседних племен, обеспечило безопасность сухопутных дорог и морских путей сообщения¹⁰⁶, что в определенной мере способствовало оживлению торговли, развитию производства и промыслов¹⁰⁷. Однако плодами наступившего экономического подъема воспользовалась главным образом верхушка херсонесского общества, тогда как у основной массы населения прибавились новые налоги, связанные с содержанием римского гарнизона.

В оценке элевтерии, полученной Херсонесом от Рима в 40-х гг. II в. н. э., до сих пор нет единого мнения. Одни исследователи считают, что «свобода», которой так добивались херсонесцы, была номинальной¹⁰⁸. Другие указывают, что Херсонес пользовался автономией и «Рим бережно хранит права херсонесцев, даруя им и элевтерию, и ателию, то есть независимость и освобождение от налогов»¹⁰⁹.

Существование противоположных оценок статуса Херсонеса в условиях римской оккупации требует подробного рассмотрения этого вопроса. «Свобода», полученная Херсонесом от Рима, не была свободой в том смыс-

¹⁰⁰ Соломоник, Новые эпиграфические памятники..., стр. 123.

¹⁰¹ В 1948 г. на северной стороне Севастопольской бухты по западному склону Безымянной балки был обнаружен могильник, занимающий довольно значительную площадь, и в нем надгробие римского солдата и погребальный инвентарь II—III вв. н. э. Открытие могильника позволяет поставить вопрос о наличии римского военного поста на мысу у самого входа в Севастопольскую бухту. См. С. Ф. Стржелецкий и И. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 81; Картотека памятников Гераклеийского полуострова, могильник № 1, Архив ГХМ.

¹⁰² А. Н. Щеглов, Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса, МИА, 150, 1969, стр. 156.

¹⁰³ См. А. Н. Щеглов, Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма, СХМ, II, 1961, стр. 80; он же, Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды, ВДИ, 1965, № 2, стр. 110 сл.; Гилевич, Прибрежный влад римских монет, стр. 107.

¹⁰⁴ Это убедительно показала Т. Н. Высотская, критически рассмотревшая данные А. Н. Щеглова по этому вопросу (Поздние скифы в Юго-Западном Крыму, стр. 22 сл., 55 сл.).

¹⁰⁵ Разведки и раскопки на горе Кошке и на Аю-Даге не выявили следов пребывания римлян в этих пунктах. См. П. Н. Шultz, Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму, КСИА АН УССР, 7, 1957, стр. 65; I. А. Баранов, Нові середньовічні пам'ятки на горі Аю-Даг, Археологічні дослідження на Україні в 1969 р., IV, Київ, 1972, стр. 253.

¹⁰⁶ Херсонесским и иноземным кораблям, плававшим в Понте, нередко угрожали пираты, которые до оккупации римлянами восточного побережья обитали к северу от Питунта. На своих быстроходных камахах они совершали нападения на корабли и прибрежные селения, вплоть до западного побережья. См. Strabo, XI, 2, 12; Plin., NH, VI, 5, 16.

¹⁰⁷ Подробно см. В. И. Кадаев, Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э., Харьков, 1970.

¹⁰⁸ Белов, Херсонес Таврический, стр. 111.

¹⁰⁹ Суров, Херсонес Таврический, стр. 57.

ле, что Херсонесу удалось добиться независимости, как полагал Е. Г. Су-ров. «Свобода» в данном случае была в римском понимании вполне определенным статусом, поскольку обычно в таких случаях греческим городам предоставлялись внутреннее самоуправление и различные права¹¹⁰. В зависимости от положения в иерархии, установленной римскими властями для этих городов: городов с италийским правом, «свободных и союзных», «свободных» и т. д.¹¹¹ Следует отметить, что за исключением союзных городов (*civitates foederatae*), получавших эту привилегию на основе договора¹¹², «свобода» остальных городов часто бывала недолговечной, поскольку она могла быть аннулирована волей императора¹¹³. Последнее хорошо прослеживается в истории самого Херсонеса и выше уже упоминались как случаи предоставления «свободы», так и неоднократные ходатайства херсонесцев перед римскими императорами о ее даровании. В пользу принадлежности Херсонеса к таким «свободным» городам свидетельствуют и другие факты. Свою «свободу» город получил после многолетних ходатайств в Риме, к которым присоединилась метрополия Херсонеса — Гераклея Понтийская, милостью императора. Следовательно, был издан соответствующий императорский рескрипт, определявший статус и права города, а также его граждан. Этим рескриптом (*γραμμὰ βασιλικά*), как можно судить из переписки по поводу протестуционной подати (*IOSPE I², 404*), и руководствовались в своих взаимоотношениях римские власти и магистраты города. Документ показывает, что Херсонес подчинялся легату Нижней Мезии. Жители города имели право обращаться к правителю этой провинции и он давал им свои разъяснения (*commentarii*). Наряду с этим в случае необходимости Херсонес мог обращаться и непосредственно к самому императору, что херсонесцы и сделали, когда у них произошел конфликт с римским гарнизоном по поводу *télos pornikón*. Однако такое обращение к императору не может служить указанием на независимость Херсонеса, а только свидетельством того, что город обладал таким правом в соответствии со своим статусом «свободного» города, поскольку право обращения к императору было обычным даже для городов, входивших в состав римских провинций.

Непосредственным представителем римской администрации в Херсонесе был военный трибун — начальник гарнизона (*IOSPE I², 404, 417*), который наряду с военными функциями брал на себя обязанности посредника и судьи, выносившего приговоры по делам, связанным с податями и взаимоотношениями херсонесских граждан с римским гарнизоном. При этом он должен был руководствоваться рескриптами императора и указаниями заместителей провинции Нижняя Мезия.

Следует отметить, что с получением Херсонесом «свободы» город прекратил чеканку золотой монеты, тогда как ранее в небольших количествах и эпизодически эта монета чеканилась. В «свободном» Херсонесе сохранилась только чеканка медной квазиавтономной монеты — это наблюдалось не только в «свободных» городах, но и входивших в состав римских провинций. Поэтому чеканка такой монеты не может означать, что эти города были независимыми от Рима. На существование зависимости от последнего указывает система номиналов херсонесских монет, соответствовавшая римской¹¹⁴, и тот факт, что основой денежного обращения в

¹¹⁰ Право собственных законов, право владения землей, право на внутренние налоги и морские пошлины, право чеканки монеты и другие. См. F. F. A b b o t, *Municipal administration in the Roman Empire*, Princeton, 1962, стр. 43 сл.

¹¹¹ М а к с и м о в а, ук. соч., стр. 354 сл.; A b b o t, ук. соч., стр. 39 сл.

¹¹² A b b o t, ук. соч., стр. 40 сл.

¹¹³ А. Б. Р а н о в и ч, *Восточные провинции Римской империи в I—III вв.*, М.—Л., 1949, стр. 44.

¹¹⁴ З о г р а ф, ук. соч., стр. 153; А н о х и н, ук. соч., стр. 47.

городе со второй половины II в. н. э. стал римский денарий¹¹⁵. Об этом свидетельствуют как находки римских серебряных монет¹¹⁶, так и указания в эпитафических документах, где счет ведется на денарии (IOSPE I², 440—446, 448). О зависимости Херсонеса от Рима свидетельствует проживание здесь римских граждан как из числа местных жителей, так и выходцев из других городов¹¹⁷. Все эти Флавиусы, Элии и Аврелии, благодаря традиционной политике римских властей поддерживать и давать привилегии местной знати и богачам, служили социальной опорой и проводниками римской политики. При поддержке Рима они возглавили местное управление в городе. Были среди римских граждан и римские вольноотпущенники, также игравшие важную роль в политической жизни Херсонеса во II в. н. э.¹¹⁸ В независимой греческой рабовладельческой общине такое явление было бы невозможным, так как доступ в гражданскую общину греческих полисов отпущенникам был всегда затруднен даже в наиболее демократических государствах.

В период римского владычества в Малой Азии и Фракии во многих греческих городах наблюдалось исчезновение местных своеобразных государственных институтов, шел процесс нивелировки, в результате которого на смену прежним демократическим учреждениям пришли Совет и коллегия архонтов во главе с первым архонтом, тогда как народное собрание играло номинальную роль¹¹⁹. Аналогичная картина была и в Херсонесе в изучаемое время¹²⁰, что также свидетельствует против мнения о его независимости.

Наконец, еще одним фактом, который до сих пор не привлек к себе внимания при изучении статуса, было наличие в Херсонесе императорского культа, появившегося в конце II в. н. э.¹²¹ Императорский культ или культ Августо — явление, характерное для провинциальных городов, было вызвано раблением привилегированных слоев населения перед правителями Рима, поскольку в данном случае речь идет о поклонении правящему императору, как божеству. При этом божеские почести воздавались не только самому императору, но и членам его семьи¹²². Во главе этого культа в греческих городах обычно стоял *ἀρχιερεὺς* из местных граждан. Почетная надпись в честь херсонесского архиерея, который одновременно с этим был прокшеном малоазийского города Тия, была найдена в 1956 г.¹²³ Имя архиерея не сохранилось и мы только знаем, что он был сыном Папия¹²⁴.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что Херсонес Таврический с 40-х годов II в. н. э. находился в зависимости от Рима на положении «свободного» города с соответствующими правами, вытекаю-

¹¹⁵ А н о х и н, ук. соч., стр. 50.

¹¹⁶ Г и л е в и ч, Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса, стр. 31 сл.

¹¹⁷ К а д е е в, Про державний лад Херсонеса..., стр. 30 сл.

¹¹⁸ В. І. К а д е е в, До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших століттях н. е., Вісник XV, № 104, історія, вип. 8, 1974, стр. 83 сл.

¹¹⁹ М а г і е, ук. соч., стр. 640; Б е ш е в л и е в, ук. соч., стр. 43 сл.

¹²⁰ Подробно см. К а д е е в, Про державний лад Херсонеса..., стр. 23 сл.

¹²¹ На наличие императорского культа в Херсонесе впервые обратила внимание Э. И. Соломонок (Новые эпитафические памятники..., стр. 39).

¹²² Я. Т о д о р о в, Паганизмът въ Долна Мизия, София, 1929, стр. 27 сл.; Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 93.

¹²³ С о л о м о н о к, Новые эпитафические памятники..., стр. 39 сл.

¹²⁴ Поскольку архиереи императорского культа в большинстве своем римские граждане, имени *τοῦ Παπίου* должны были предшествовать *ραεποπεν* и *ποπεν*, а также сопномен, служивший личным именем архиерея. Поэтому можно предположить, что *τοῦ Παπίου* — не патронимикон, а имя деда. Обычно в херсонесских надписях с артиклем употреблялось имя не отца, а деда. См. IOSPE I², 359; С у р о в, Новая херсонесская надпись, стр. 156.

щими из статуса таких городов. Но дарованные Римом Херсонесу права «свободного» города не освобождали его население от содержания римского гарнизона, находившегося в городе. Это привело к усилению налогового бремени и соответственно к уменьшению доли городских доходов, так как на содержание гарнизона уходила часть проституционной подати¹²⁵, обычно поступавшей в городскую казну. Как явствует из переписки по поводу этой подати (IOSPE I², 404), императорским рескриптом было установлено, что часть этого дохода должна поступать на содержание солдат гарнизона. Однако последние в конце II в. н. э., не удовлетвовавшись этим, начали сами собирать эту подать, присваивая себе большую, чем было установлено, часть. Это было нарушением прав города. В ответ на это злоупотребление херсонесцы обратились с жалобой к наместнику Нижней Мезии, что привело к переписке с последним и последующему решению в пользу города¹²⁶. Переписка отражает взаимоотношения херсонесцев с римским гарнизоном и показывает, что усиление налогового бремени и злоупотребления римских солдат вызывали недовольство у населения города и, вероятно, инциденты и конфликты с гарнизоном. Поэтому городские магистраты вынуждены были обратиться с жалобой.

Однако финансовые повинности города в пользу Рима не исчерпывались выделением части дохода от указанной подати. Как свидетельствует одна надпись, представляющая собой, видимо, письмо императора Коммода к гражданам Херсонеса¹²⁷, город выделял в конце II в. определенные средства из государственной казны на содержание римского гарнизона. Таким образом, «свобода», полученная от Рима, стоила Херсонесу не только суверенитета, но вваливала на плечи его жителей дополнительные налоги.

Новая и очень серьезная угроза для безопасности Херсонеса возникла в III в. н. э., когда начались походы готов и их союзников. В ходе этих походов и нападений были опустошены и разрушены многие крупные города и целые области на территории Мезии, Фракии, Македонии, а позднее Малой Азии, материковой Греции, островов Эгейского моря¹²⁸. По-видимому, в связи с нависшей угрозой в Херсонесе в 245 г. было произведено укрепление оборонительной системы. Об этом можно судить по фрагменту надписи, в которой упоминается укрепление башни (IOSPE I², 439). Но, вероятно, Херсонес оказался в стороне от направлений основных ударов готов, боранов, герулов и других племен, что и позволило ему устоять, поскольку многие другие более крупные города, находившиеся под защитой сильных римских гарнизонов, были взяты штурмом и разрушены. Примерами могут служить Тримонциум (Филиппополь), который был разрушен в 250 г., а около 100 тыс. его жителей перебито¹²⁹, и Трапезунт — стоянка Понтийского флота, окруженный мощными двойными стенами¹³⁰. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Э. И. Соломоник, что

¹²⁵ Этим налогом облагались публичные дома и проститутки-одиночки, проживавшие в Херсонесе. Данные об этом встречаются не только в переписке с наместником Нижней Мезии (IOSPE I², 404), но и еще в одном фрагменте надписи (IOSPE I², 705), где упоминаются арендаторы или откупщики этого налога ($\mu\tau\theta\omega\tau\alpha\iota$).

¹²⁶ Подробно см. М. И. Ростовцеве, Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе, ИАК, 60, 1916, стр. 63 сл.

¹²⁷ Соломоник, Новые эпиграфические памятники..., стр. 42, № 14.

¹²⁸ Подробно см. В. Г. Васильевский, Житие Иоанна Готского. Труды, т. II, вып. 2, 1912, стр. 352 сл.; Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 440 сл.; А. М. Ремеников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э., М., 1954.

¹²⁹ Т. Иванов, Искус в светлината на последните проучвания. Археологически открития в България, София, 1957, стр. 117.

¹³⁰ А. А. Васильев, Готы в Крыму, ИРАИМК, I, 1921, стр. 267.

Херсонес уцелел благодаря римским войскам и особенно флоту, наряду с крепкими стенами ¹³¹.

В конце III в. н. э. по данным Константина Порфирородного ¹³² херсонесцы приняли активное участие на стороне Рима в войне против Боспора и сарматов, совершивших нападение на Малую Азию. Организовав поход на Боспор, они захватили его столицу, укрепления на побережье Меотиды и в качестве заложников семьи участников похода в Малую Азию. Это заставило Савромата вступить в переговоры с римским командованием, а затем и покинуть Малую Азию. За помощь, оказанную Риму, херсонесцы получили от императора Диоклетиана ателию, т. е. освобождение от уплаты податей.

Долгое время этот и другие факты, сообщаемые Константином Порфирородным, не принимались во внимание, так как историки сомневались в достоверности этого рассказа. Правда, Г. Д. Белов, считая, что рассказ Константина построен на херсонесских преданиях, отражающих реальные события, использовал его свидетельства для воссоздания истории Херсонеса III—IV веков ¹³³. Недавно к этому вопросу вернулся Я. Харматта, который полагает, что источник восходит к херсонесской хронике, возникшей не позднее V в. н. э. ¹³⁴ По его мнению, поход в Малую Азию происходил в 291—293 гг. и возглавлял его боспорский царь Фофорс. Реальность этого похода доказывается свидетельствами сасанидской надписи из Пайкули. Таким образом, наиболее легендарная часть рассказа — поход в Малую Азию — подтверждается источниками, а поэтому реальные черты приобретают и другие события конца III в. н. э. — характер взаимоотношений Херсонеса с Боспором и Римом, возможность военного нападения херсонесцев на Боспор. К наблюдениям Я. Харматты можно добавить, что в пользу достоверности свидетельств Константина говорят упоминаемые им имена первых архонтов Херсонеса — Θέμιστος Θέμιστου и Χρῆστος Παπίου ¹³⁵. Рассказ о посольстве от Диоклетиана с просьбой начать войну против Боспора и о сменяемости первых архонтов указывают на наличие у Херсонеса элевтерии, что хорошо согласуется со свидетельствами нумизматических источников. На херсонесских монетах конца III в. н. э. вплоть до прекращения чеканки имеется надпись ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ ¹³⁶. Следовательно, эти свидетельства не плод фантазии, а имеют определенную историческую основу и с соответствующими коррективами должны учитываться при изучении событий конца III в. н. э.

Около 295 г. н. э. в Херсонесе прекратилась чеканка собственной монеты ¹³⁷. Это событие рассматривается как результат упадка экономики и торговли ¹³⁸. Однако для такого вывода у нас нет оснований, поскольку, за исключением некоторого спада внешней торговли, вызванного последствиями «готских» походов, экономика Херсонеса упадка не переживала ¹³⁹. Против этого свидетельствует и резкое возрастание притока рим-

¹³¹ Соломонок, О римском флоте в Херсонесе, стр. 174.

¹³² Const. Porph., De adm. imp. 53.

¹³³ Белов, Херсонес Таврический, стр. 129 сл.

¹³⁴ Я. Харматта, К истории Херсонеса Таврического и Боспора, сб. «Античное общество», Л., 1967, стр. 204 сл.

¹³⁵ Имя Фемист очень редкое. В Северном Причерноморье оно зафиксировано только в Херсонесе в III в. н. э. (ВДИ, 1938, № 3, стр. 80, № 10). Имя Папий в Херсонесе появилось с первыми колонистами, а позднее встречалось во II в. н. э. В других городах Северного Причерноморья оно встречено только однажды — в Фанагории (см. ВДИ, 1955, № 2, стр. 175 сл.).

¹³⁶ Анохин, ук. соч., стр. 84—87.

¹³⁷ Там же, стр. 46.

¹³⁸ Стржеleckий, Основные этапы экономического развития, стр. 82.

¹³⁹ См. Кадеев, Очерки истории экономики Херсонеса.

ских монет¹⁴⁰, а также весьма мощный последний выпуск херсонесских тетраассариев, составляющий 19 вариантов монет¹⁴¹. Выходит, что причина прекращения чеканки монеты в Херсонесе была иной.

На наш взгляд, заслуживают внимания наблюдения В. А. Анохина о том, что заключительный этап херсонесской чеканки не носит следов естественного затухания, а говорит даже о некотором расцвете. Поэтому он полагает, что прекращение чеканки в Херсонесе — результат деятельности Диоклетиана, закрывшего провинциальные монетные дворы¹⁴². Это мнение перекликается с гипотезой Г. Д. Белова о том, что прекращение чеканки, «возможно, ... было вызвано изменениями в отношениях Херсонеса с Римом; из „свободного“ Херсонес мог превратиться в провинциальный город, непосредственно подчиненный Риму...»¹⁴³.

Нам представляется, что именно превращение Херсонеса из «свободного» в провинциальный, в связи с реформаторской деятельностью Диоклетиана, направленной на централизацию империи, и было причиной прекращения чеканки. Превратившись в провинциальный город, Херсонес лишился не только права чеканки монеты, но и многих других прав, которыми он владел как «свободный» город. В дальнейшем он перешел в непосредственное подчинение провинциальных властей, наместниками которых в городе были трибун и комит. В конечном итоге город не только утратил «свободу», но и свойственную ему самобытность дорийского полиса, которая должно проявлялась несмотря на многовековое влияния сначала Боспора, а затем Рима, в зависимости от которых был Херсонес. Так, в конце III в. н. э. Херсонес из государства со своими институтами, законами и правами превращается в город на далекой окраине Римской империи.

CHERSONESUS, BOSPORUS AND ROME, I—III CENTURIES A. D.

V. I. Kadeyev

When in the middle of the 1st century B. C. the North Black Sea Coastal region came under Roman influence the positions and mutual relations of Chersonesus and Bosphorus changed. The Romans now made Chersonesus subject to Bosphorus, now, when Bosphorus behaved more independently than suited the Roman interest, declared Chersonesus to be free. The grant of freedom was accompanied by some privileging of the upper layers of Chersonesus society, while the city lost its sovereignty and most of the population was subjected to intensified exploitation. This «freedom» did not rid the city of its Roman garrison while Rome occupied Taurica. The garrison consisted of soldiers belonging to the I Italian and XI Claudian legions, auxiliary troops and naval squadrons under the command of a military tribune. During the worst incursions by the Goths and their allies Chersonesus lay out of their path and so escaped destruction. When in the 3rd century Chersonesus stopped minting coins we may suppose that that was the point at which the city's «freedom» was transformed into provincial status and direct rule by Roman provincial authorities.

¹⁴⁰ Г и л е в и ч, *Античные иногородние монеты...*, стр. 55—56.

¹⁴¹ А н о х и н, *ук. соч.*, стр. 46, табл. XIX, 1—16.

¹⁴² Там же, стр. 46.

¹⁴³ Б е л о в, *Херсонес Таврический*, стр. 133; о н ж е, *Херсонес — Корсунь*, Л., 1969, стр. 34.